

Теперь он уже три дня как исчез. Ю Цюань и остальные, без сомнения, уладят все дела как следует, а затем отправятся обратно во Дворец Закона. Единственное отличие от плана — пропал Шу Цзюнь.

Однако с Ю Цюань восстановить связь будет нетрудно, и Сюэ Кайчао не беспокоился об этом. Взяв Шу Цзюня на руки, он вошел в пещерную обитель, намереваясь сначала немного отдохнуть.

Шу Цзюнь еще не очнулся, и перемещать его было неудобно. Лазурный Цилянь, пройдя по Царству Мертвых, потратил слишком много сил. Сам Сюэ Кайчао, пустив кровь для Сюэ Елай, хоть и смог выбраться из Врат Ада, но на большее уже не было энергии.

Его кровь дракона все эти годы лишь с трудом сдерживалась, на деле же она была невероятно могущественной. Чтобы ранить других, сначала нужно было ранить себя, поэтому он никогда ею не пользовался. Ограниченные преимущества также оставались неизвестными: кровь дракона нейтрализует яд и может продлевать жизнь. Именно поэтому покушение Мэн Вэньцзюня, которое тот счел успешным, в итоге лишь оставило ему рану благодаря магическому артефакту. Сломанный меч содержал мощную энергию, которая глубоко ранила Сюэ Кайчао, перекрыв каналы, а нанесенный на клинок яд не смог подействовать как должно.

Сюэ Кайчао положил Шу Цзюня на каменную кровать и наклонился, чтобы осмотреть его состояние.

Он думал, что Шу Цзюнь просто спит, однако, сняв с него одежду, обнаружил не только раны, но и начинающуюся лихорадку.

Несколько внешних ран были с разорванными краями, явно полученными, когда он спасал других и не думал о себе. Края ран уже побелели, и хотя кровь больше не текла, это не было хорошим признаком. Прикоснувшись рукой ко лбу Шу Цзюня, Сюэ Кайчао отвернулся, чтобы принести воды из духовного источника и промыть раны. Смыв грязь и кровь, он аккуратно вытер их и, порвав свою нижнюю одежду, перевязал.

Пещерная обитель, в конце концов, много лет не использовалась. Хотя там и хранилось несколько видов пилюль, подходящих не было. Сам Сюэ Кайчао, хоть и не занимался алхимией, разбирался в снадобьях. Он высыпал все, осмотрел, выбрал те, что Шу Цзюнь сейчас мог принять, скормил ему, а затем дал прокипяченной воды из духовного источника.

Шу Цзюнь, хоть и был в легком жару и не подавал признаков пробуждения, инстинктивно проглотил лекарство.

Покормив его, Сюэ Кайчао вспомнил, что в горах должны расти дикие лекарственные травы. Ухаживать за больными он был неискушен, но понимал, что нужно делать. Оставив маленького Циляня, который, устав, превратился в размер с ладонь, присматривать за домом, он вышел собирать травы.

По сравнению с душой Шу Цзюня, которая сейчас неизвестно где и сможет ли вернуться, его внешние раны, конечно, не были столь серьезны. Но лихорадка, начавшаяся из-за них, была опасной.

Раньше он знал, что Шу Цзюнь еще молод, но это было лишь абстрактное знание. Теперь же, когда тот лежал на каменной кровати без сознания, этот возраст вызывал особое беспокойство. К счастью, у него была основа в практике. Если жар спадет и он очнется, то сможет восстановиться.

Вспомнив, как Сюэ Елай не раз называла Шу Цзюня «твоим сокровищем», Сюэ Кайчао почувствовал странное, тревожное предчувствие. Он не мог безоговорочно доверять ей лишь потому, что она его предок. И она, в свою очередь, не могла бескорыстно заботиться о нем как о потомке семьи Сюэ.

Почему она оставила Шу Цзюня? Почему дала ему сон, из которого не выйти? Почему настойчиво называла его «твоим сокровищем»? Что она обнаружила? Хотела ли наблюдать со стороны, как за интересным зрелищем, или же ей действительно понравился Шу Цзюнь?

Она слишком долго пребывала в аду и, возможно, забыла, как быть человеком. Семья Сюэ всю жизнь требовала от нее, но даже не дала возможности выйти замуж или оставить потомство. Какие чувства она вообще могла испытывать к семье Сюэ?

В древних записях говорилось, что за несколько лет до своей гибели Владыка Кайюнь пытался провести реформы, но встретил сильное сопротивление. К тому времени новое поколение уже выросло, и она больше не была единственной, кто мог претендовать на титул Владетеля Жетона. Хотя она все еще пользовалась уважением благодаря долгой власти, ее положение было нестабильным.

В частных разговорах также говорили, что она хотела выйти замуж, но такой традиции не существовало, и семья отказала ей. Естественно, в годы ее наивысшего могущества она могла решать сама, выходить замуж или нет. Поэтому ходили слухи, что человек, которого она выбрала, был неподходящим и недостойн жениться на Владетеле Жетона.

Это «недостойн» заставляло задуматься, и Сюэ Кайчао не мог не обратить на это внимание. В конце концов, госпожа Дугу в семье Сюэ также получила лишь оценку «недостойна» и «невезучая».

Однако, встретив Сюэ Елай лично, Сюэ Кайчао подумал, что слухи, возможно, не соответствуют действительности. Она не казалась той, кто изменил бы свое мнение из-за несогласия семьи. Согласно ее словам, они еще встретятся, и, возможно, тогда он получит ответы на свои вопросы.

По какой-то причине, даже зная, что она, возможно, изменилась, а ее ставшие демоническими золотые глаза доказывали, что она действительно превратилась в «Владыку Демонов Кайюнь», Сюэ Кайчао все же не считал ее опасной. Он был насторожен, но не нервничал. Лишь беспомощность перед комой Шу Цзюня заставляла его сомневаться в ее мотивах.

Собирать травы ночью для простого смертного было бы почти невозможно, но для практикующего это было довольно просто. Сюэ Кайчао собрал несколько видов трав для наружного применения и много других для приготовления отвара, затем, взяв корзину, отправился обратно. Ночь уже опустилась, и на обратном пути он услышал шорох в траве. Мгновенно подняв руку, он сломал ветку и, не глядя, метнул ее. В кустах упал летучий дракон, не успев даже крикнуть.

Сюэ Кайчао подошел, поднял эту диковинную добычу и взял с собой.

Сам он мог обходиться без пищи, но Шу Цзюню, получившему ранения, не стоило упорствовать в практике инедии, иначе восстановление могло затянуться. Хотя он все еще был без сознания и не мог есть мясо, бульон был бы полезен.

Эта вылазка заняла не так много времени, но маленький Цилян уже устроился в развевающейся одежде Шу Цзюня, выставив наружу только пушистую теплую голову, слегка

покачивающуюся в полусне. Сюэ Кайчао откинул одеяло, взглянул на Шу Цзюня и, прикоснувшись к его лбу, убедился, что жар все еще слабый. Затем он вытащил Лазурного Циля, положил в сторону, нанес на раны Шу Цзюня измельченные травы и снова перевязал.

Молодой человек даже не издал стога, что вызывало еще большее беспокойство.

Наступила осень. Сюэ Кайчао заметил, что Шу Цзюнь, несмотря на легкий жар, дрожал от холода, стараясь укрыться в одеяле. Он разжег в очаге духовный огонь, затем поднялся на каменную кровать и обнял Шу Цзюня сзади. Маленький Циля, не чувствуя никаких барьеров, мгновенно понял его намерение и, наклонившись, укусил его палец, проделав в нем отверстие. Капли крови дракона вытекли, образовав тонкую струйку.

Шу Цзюню в рот вложили палец, и его инстинкты сработали — он начал сосать. Сухое и болезненное горло словно почувствовало прохладу влаги, и он, находясь в полусне, застонал, даже не осознавая, что проглотил.

Отвар, поставленный на огонь, медленно закипал, наполняя пещеру горьковатым ароматом лекарства. Для его приготовления потребовалась бы половина ночи. Сюэ Кайчао, полускрыв глаза и обняв Шу Цзюня, сам не спал, лишь изредка легонько похлопывая его по плечу, даже не замечая, что его поведение напоминало утешение ребенка.

Шу Цзюнь спал спокойно, и даже после того, как выпил кровь дракона, не подавал признаков пробуждения. Лихорадка, продолжавшаяся долгое время, уже не казалась Сюэ Кайчао такой тревожной, и его беспокойство стало привычным фоном.

На рассвете Сюэ Кайчао открыл глаза и понял, что сам ненадолго уснул. Спустившись, он проверил горшок с отваром — жидкость стала темно-коричневой, с горьким и кислым вкусом, который, вероятно, был неприятен.

Действительно, как бы он ни пытался напоить Шу Цзюня, тот не глотал, лишь пачкал подушку и одеяло, а лекарство оказывалось потраченным впустую. Сюэ Кайчао, не зная, что делать, отложил оставшийся отвар в сторону, засучил рукава, сменил подушку и одеяло, уложив Шу Цзюня чисто и удобно, а сам принялся готовить того летучего дракона.

Если отвар не идет, то, может быть, куриный бульон?

В горах в это время года было много диких фруктов и орехов. Сюэ Кайчао впервые в жизни готовил еду, и он сам не ожидал, что это произойдет в таких обстоятельствах. Он не ел мясо уже много лет, но помнил, что нужно добавлять в бульон — в ранние годы, когда он жил с родителями, у него не было слуг, и многие вещи делали Сюэ Лу и госпожа Дугу.

К счастью, Ю Цюань и другие всегда были аккуратны, и здесь оставалось много специй. Поставив бульон на огонь, Сюэ Кайчао на мгновение задумался, вспомнив одну сцену.

Тогда он был еще ниже очага и стоял рядом, наблюдая за матерью. Когда она не держала меч, то была очень мягкой, волосы ее были собраны в небрежный узел, слегка свисавший на плечо. Она улыбалась, разговаривая с отцом, и одновременно резала яблоки и персики кинжалом с желобком для крови, отправляя кусочки себе в рот.

На самом деле она не была мягкой женщиной, даже если казалась таковой, и не походила на знатную даму, но она была очень хорошей и умерла совсем молодой.

<http://bllate.org/book/16142/1445701>